

ДРЕВНЕРУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ЛИТОВСКОГО СТАТУТА 1588 ГОДА

М. М. ЗАКАРЬЯН

Статут 1588 года, или Третий статут — кодекс законов Великого Княжества Литовского. Он написан на старобелорусском письменном языке, который в Статуте, как и в других литовских памятниках, называется «руським». Но даже поверхностное сравнение его с языком русских юридических памятников XV—XVI веков показывает, насколько он далёк от русского литературного языка того времени.

В лексическом составе Статута находим пласты, имеющие различное происхождение. Особенно разнообразной по составу, с точки зрения происхождения, является юридическая лексика.

Терминология права на Руси имела многовековую историю, которая начинается с Русской Правды; в Московском государстве она продолжается в судебныхниках XV—XVI веков, в Уложении Алексея Михайловича и др. В юридической литературе указывалось на Русскую Правду, как на возможный источник при составлении Литовских Статутов¹. Кроме того, к этому времени в Литве не могли не знать польских Статутов, таких, как Вислицкий Статут 1347 г., Статут Казимира Ягеллончика 1453 г., переведенных на так называемый «русский» язык. Переводы эти изобилуют польскими, латинскими и другими заимствованиями.

Литовские Статуты создавались на базе обычного права (основу которого и составляли, надо думать, нормы Русской Правды) и различного рода привилеев — частных и общеземских. Привилеи эти писались как на латинском и польском, так и на старобелорусском языке.

Таким образом, часть юридической лексики Статута ведёт свое начало от древнерусского литературного языка, она унаследована от русских юридических памятников. Другой слой — собственно белорусский — слова, взятые из живого белорусского языка того времени или

¹ См. Леонтович, Русская Правда и Литовский Статут в видах настоятельной необходимости включить литовское законодательство в круг истории русского права, Университетские известия, №№ 2, 3, 4, Киев, 1885.

выработанные на его основе или на основе древнерусской лексики в самом старобелорусском письменном языке. И, наконец, в силу указанных причин, в Статуте находим большое количество заимствованных терминов — польских, латинских и других.

Юридическая лексика, естественно, занимает очень большое место в языке Статута. Рассмотреть её всю в одной статье не представляется возможным, поэтому мы ограничимся лексикой древнерусской.

В плане изучения юридической терминологии Статута интересно замечание юриста И. Малиновского: «Создание особого технического языка для выражения различных юридических понятий находится в Литовском Статуте в зачаточном состоянии. Обыкновенно законодатель пользуется словами разговорного языка в их житейском смысле. Но некоторые слова уже употребляются как термины — в техническом значении; таковы, например: вина, выступ, кглейт, зарука, горячий учинок и др.»². Употребление одного и того же слова и в терминологическом и в обычном значении приводит к его многозначности.

Второй отличительной чертой юридической лексики Статута, как и других литовских памятников, особенно XVI века, является наличие большого количества синонимов — слов, имеющих близкие и часто одинаковые значения, но разное происхождение (например: лицо — твар — парсуна, грабёж — занмованье, совито — ведвое, апелляция — отзов, кглейт — железный лист и др.). Употребление их определяется, с одной стороны, отсутствием твёрдых языковых норм, а, с другой, — стремлением пояснить малораспространенное иноязычное слово своим. К последнему выводу приводит то обстоятельство, что часто такие слова стоят рядом: «апелляция, або отзов», «совито, то есть ведвое». Иногда находим прямое объяснение малопонятного, очевидно, слова: «возныи... таковыи, которого латинскимъ языком зовуть енераль».

В цитированной нами работе И. Малиновский, касаясь уголовных законов Статута, говорит: «Итак, отличительная черта уголовных законов (в узком смысле) Литовского Статута — казуистичность: здесь нет вполне обобщенных постановлений о типах преступных деяний»³.

Для исследования языка, особенно лексики, эта особенность памятника — благоприятное обстоятельство: отсутствие обобщенных постановлений о преступлениях заставляет составителей кодекса стремиться предусмотреть все возможные случаи, более конкретно говорить о каждом из них (правда, не приводя для наглядности конкретных примеров, как это делает Вислицкий Статут).

Поэтому в Статуте наряду с общим названием преступного деяния — злой учинок — дается большое количество названий конкретных преступлений и преступников.

При определении роли древнерусской лексики в системе юридических терминов Статута важно изучить её употребление, её отношение

² И. Малиновский. Учение о преступлении по Литовскому Статуту, Киев, 1894, Приложение, стр. XI.

³ И. Малиновский, указ. соч., Приложение, стр. XI.

к другим терминам, имеющим иное происхождение — старобелорусским, польским, латинским.

Судьба древнерусских слов в Статуте неодинакова: одни из них сохранили то юридическое значение, которое имели и в древнерусских памятниках, другие — потеряли его и употребляются в обычном, не терминологическом значении; некоторые слова в какой-то степени изменили свое значение, но не перестали быть юридическими терминами; и, наконец, ряд слов, известных древнерусскому языку в нетерминологическом значении, в Статуте употребляются как термины, как правило, не теряя при этом и своего обычного значения.

По значению юридическую лексику Статута можно разделить на следующие группы:

I. Названия общих правовых понятий.

II. Названия преступлений и преступников.

III. Слова, по своему значению связанные с судебным процессом.

IV Слова, связанные с нотариальными функциями, свойственными литовскому суду.

В древнерусском языке общие правовые понятия обозначались словами *правда*, *закон*, *право* и др. В Статуте слова *правда* и *закон* не являются юридическими терминами. Так, слово *правда* не имеет ни одного из тех юридических значений, в которых оно встречается в ранних древнерусских памятниках («свод законов», «присяга», «суд» и др.⁴). Здесь оно употребляется в значении «истина», «правда»: «Шкрутаторове... правды ся выведовати-мають» 480. Но в более ранних литовских памятниках слово *правда* еще имеет юридический смысл. Оно может означать:

I. Договор: «...а што въ тои грамоте писано, тую правду литовскимъ княземъ держати, а на то есмы дали свое печати» АЗР № 1, стр. 1. «Мы въ правде твердои и полнили есмо ему правду нашу во всемъ, а съ того есмо николи не выступали, а онъ намъ також правду свою держаль и полнилъ...» ЛМ27к4, № 132.

II. Присягу на верность: «...але ото всихъ неприятелии всею нашею силою и на векъ помагати имъ, а я коль також и слюбили были есмо князю Дмитрию Московскому и правду дали уже едем и хочема порожнии учинити тое правды прото, абы былъ король без печнейший у нашеи службе и у правде, колися воротимъ сложимъ тои слюбъ» СГЧА, стр. 6.

Точно так же не имеет юридического значения, свойственного ему в древнерусском языке, и слово *закон*. В Статуте оно обозначает веру, религию: «...которые мурзы князи татарове закону басурмянского мають оселость» 493. Соответственно и слово *законник* означает «духовное лицо»: «...тестаментомъ никому ничего не могут отдати... законъники будучи в законе упривилеваном принесли и потвердившисе в законе» 335. Таково значение слова *закон* и в Жалованной грамоте

⁴ И. И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, СПб, 1893—1903.

(«привилее») кн. Витовта 1388 г.: «Жиду, который бы ся добре ховаль въ законе своемъ жидовскомъ, сведетство допущено маеть быти» АЗР № 9. Но в переводе Вислицкого Статута слово *закон* употреблено в юридическом значении: «Коли жъ вси уставленья закон и право чинять всимъ речемъ, то хочемъ, штобы тыя права, што есмы устави на великомъ сойме у Вислицы прииманы были» АЗР № 2, стр. 2. Но здесь, возможно, имеем дело с устоявшимся сочетанием *закон и право* в значении «суд», «судебное разбирательство».

Потеря юридического значения словами *правда* и *закон* в литовских памятниках объясняется, возможно, той ролью, которую играло здесь слово *право*. Оно в русских памятниках XIV—XVI веков еще не было юридическим термином: И. И. Срезневский отмечает это слово со значением «свобода действия», «власть» в Жал. гр. Под. кн. 1375 г. Позднее мы находим его в Судебнике 1497 г., где оно употреблено в значении «правда» (статьи 46, 47); то же и в Псковской судной грамоте; в Судебниках 1550 и 1589 гг. слово это вообще отсутствует. Для обозначения тех понятий, которые в литовских памятниках XIV—XVI веков обозначаются словом *право*, в русских памятниках употребляется слово *правда*; слово же *право*, как и слово *правда* в литовских памятниках, обозначает истину, «по праву» значит «по истине». Так, в Псковской судной грамоте читаем: «молвят как право перед богом» (ст-я 55), «скажут как право перед богом» (ст-я 56); в Судебнике 1497 г.: «люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу» (ст-я 46, то же и в статье 47).

Уже в памятниках XIV—XV веков, написанных в Литве, слово *право* употребляется наряду со словом *правда* как юридический термин, но отличается от последнего своим значением. Здесь оно обозначает:

1. Законы, право: «...хочемо, ижъ бы подлугъ обычая нашею земли, правъ нашихъ былъ каранъ...» АЗР № 9. «И мы о томъ пытали воита и бурмистровъ и радець места Виленского, как ся тая речь маеть в ихъ праве немецкомъ Мориборском» ЛМ27к4 № 101, стр. 414. В этом значении слово *право* может употребляться во множественном числе: «...уложили есмы тые права» АЗР № 2. «...били намъ чоломъ, абыхмо ихъ держали подле правъ великого князя Витовтовыхъ и подле нашего права, которое мы имъ дали» ЛМ27к4 № 98.

2. Суд, судебное разбирательство: «Поводъ имеетъ позвать виноватого ко праву...» АЗР № 2, стр. 6. «...и позванъ былъ листомъ нашимъ къ праву...» ЛМ27к4 № 117, стр. 433.

В Статуте, где *правда* и *закон* не являются юридическими терминами, значение слова *право* еще шире. Расширение значения этого слова идет за счёт детерминологизации слов *правда* и *закон*. Прежде всего нужно отметить, что слово *право* здесь употребляется в значениях, для выражения которых в современном русском языке существуют два термина — *право* и *закон*⁵:

⁵ См. Юридический словарь под ред. Кудрявцева, Изд. II, ГИЮр. Лит., М., 1956; *закон* — т. I, стр. 320; *право* — т. II, стр. 182.

1. В значении «право», «совокупность норм поведения»: «...а мешчане мешкающие подъ наидебурьским правом...» 163 (вм. 173).

2. В значении «закон», «свод законов» (обычно имеется в виду Статут или другие законодательные акты; в этом случае слово *право* может стоять во множ. числе): «...пакъ ли жъ бы позваныи в такой речы без причинъ правныхъ не сталъ противъ такомуу врьдъ маеть сказанье чинити водлугъ сего права посполитого и важности року» 201. «...сесь Статут права посполитого земьского... зъ старого ихъ Статуту и зъ иншихъ розныхъ правъ христьянскихъ поправены...» 119.

С этим значением слова *право* связаны прилагательные *правный* — «законный» и *бесправный* — «незаконный»: «...безъ причынъ слушныхъ правныхъ ку праву на позвы не становиль» 297. «О безъправное везенье шляхтича...» 170.

3. В значении «суд», «судебное разбирательство», «заседание суда» (хотя в Статуте есть и слово *суд*): «хто бы и после права и присеги того жъ искалъ што передъ правомъ утратилъ» 235. «Хто бы на кого передъ правомъ словомъ або рукою сягнулъ» 218. Вероятно, сюда же надо отнести и употребление слова *право* в следующем примере: «...коли бы въ якои зваде слуга пана своего боронечы, кого забилъ або ранилъ, таковыи отъ каждого права маеть быти воленъ», 419. Здесь оно обозначает судебную ответственность.

4. В значении «право владения»: «Хто бы кгвалтовне... отнялъ... именье люди за правомъ прирожонымъ держачое або во што бы хто за правомъ якимъ набытымъ... в держанье вошелъ...» 249.

О том, что слово *право* в различных значениях было широко распространено в литовских юридических памятниках, говорит и факт употребления в Статуте большого количества фразеологических словосочетаний с этим словом, имеющих терминологический характер. Они связаны с различными значениями слова *право*. Ни одной из этих устоявшихся формул мы не находим в русских (древнерусских и современных Статуту) юридических памятниках. Сюда относятся:

1. *правом чинити*: «...дети або блиские, такие кому о то правомъ чинити належало... могут о то правомъ чинити» 178.

2. *до права становити се* (стр. 202, 204).

3. *права доводити*: «укрывжоный... права собе доводити маеть» 132.

4. *ку праву позвати*: «...тежъ если бы писарь земский хотел кого позвати ку праву въ томъ же повете до того жъ суду земского...» 132.

5. *в право вступити*: «где бы вступивши з стороны своею противною в право а прочь отъ врьду отышоль, тогда таковыи речь свою тратить» 125.

6. *попиранье права*: «...за жалобою и попираньемъ права отъ детей его або блискихъ того забитого...» 409.

7. *правом доходити* — то же, что и *права доводити*: взыскать судом (стр. 132).

8. *с права винен зостал* (стр. 423).

9. *правом перекопаныи*: «Мужбойца правомъ перекопаныи горломъ каранъ будетъ» 369.

10. *с права сказаныи*: «о наломненью врядовомъ около заплаты сумы пенезеи с права оказаное» 251.

11. *перевод права, переведенье правное, право переводил (перевёл)*: «о таковыхъ, хто бы подь часомъ переводу права межи двема особами онъ третей увязанья вряду боронилъ» 257; «...а врядъ будетъ моцонъ за переведеньемъ правнымъ отправу на томъ же именью... учинити» 202; «...хто бы противъ кого право якое... яким фортелемъ перевель» 134.

Как мы видим, все эти обороты основаны на употреблении слова *право* в значении «суд», «судебное разбирательство». С этим значением связана и формула *под страченьем права*, что означает «под угрозой проиграть дело»: «...рокъ за каждымъ позвы кгородскими маеть быти завитыи под страченьем права» 177; «...а онъ того або тыхъ светковъ... у суду имены меновати винень, а то вжо будетъ подь страченьемъ права» 237.

С употреблением слова *право* в значении «закон» связана формула *до остатнего* (остаточного) *стопня права* в значении «до последней буквы закона»: «...вси врядники наши... виньи будутъ у суду становитися и росправу зъ жалобною стороною примовати будучи того вряду послушни во всемъ до остатнего стопня» 226; «...а по всказаню отправа на властномъ именью винного чинити до остатного стопня права» 226.

В семантической связи со словом *право* в Статуте находятся древнерусские слова *устава, обычай, суд*. В силу многозначности слова *право* перечисленные слова оказываются синонимичными ему в различных его значениях. Слово *устава* (жен. рода), как и в более ранних литовских памятниках, означает «закон», «установление»: «такъ подле тое уставы наше мають се заховати вси подъданные наши» 272; «тым же обычаемъ и врядъ нашъ кгородский пересуды и паметное от речи судовыхъ... только водлугъ тое уставы наше вышей описаное маеть бра-ти» 130.

Юридическое значение (наряду с другими — «обыкновение», «образ действия») в Статуте, как и в древнерусском языке и в языке литовских юридических документов XIV—XV веков, имеет слово *обычай*. Оно может обозначать обычное право, «неписанный закон, старину», как определяет И. И. Срезневский. Например, в Привилее кн. Витовта 1388 г. читаем: «И тежъ естли бы хрестьянинъ жида вдарил так, яко бы крови не розлил, маеть на немъ вина быти водлугъ обычая наше земли» АЗРМ № 9. В Литовской метрике, записях XV века: «Вы бы имъ то книгами земскими оправили подле обычая тамошнего края» ЛМ27к4 № 117. То же и в Статуте: «...а сторона толко то яко давнии обычая есть на мещьцу кату платити винна» 401. Но слово *обычай* в Статуте может обозначать и писанный закон, статью закона: «...возныи... маеть выменье виноватого сторону поводовую увязывати водлуг

обычаю сего права посполитого». «...таковые на выволанье до насъ господаря обычаемъ в сем статутѣ около того постановенымъ маеть быти отосланъ» 453. В таких случаях слово *обычай* близко по значению к слову *устава*.

И, наконец, слово *суд*. Очень многозначное в древнерусском языке, оно и в литовских юридических памятниках употребляется в нескольких значениях. В документах XIV и XV веков находим его в значении «суд», «судебное разбирательство»: «...а про Любартово ятьство, хочемъ его поставити на суде перед паны угорьскими... литовскимъ княземъ стати у холме, а королеви у сточьце, где смолвять, тутъ будеть судъ, тягаться и с королемъ» АЗР № 1, стр. 1; «И тежь, судья жидовский которая ся дееть межи жиды пригода к суду не маеть передъ себе приводити, оли жъ бы через скаргу былъ наведенъ» АЗР № 9, стр. 25.

В Статуте это слово употребляется в трех значениях, в одном из которых оно синонимично слову *право*. Как уже говорилось, последнее может обозначать судебное разбирательство, заседание суда. Таково значение и слова *суд* в следующем предложении, и по конструкции напоминающем пример к третьему значению слова *право*: «...коли бы хто... стоячы передъ судомъ... на другого словомъ ся неучытивымъ торъгнуль» 218. О том, что слова *суд* и *право* в данном случае имеют одно и то же значение — «заседание суда» — говорит и то обстоятельство, что пример со словом *право* является заголовком (артикула 62, раздела IV), а со словом *суд* находится в статье под этим названием.

Но, кроме того, слово *суд* обозначает определенный уряд (суд земский, кгородский, трибунальский): «Судъ земский только тыхъ артикулов судити не маеть... которые в особливыхъ артыкулахъ суду нашому господарьскому, и суду врядов нашихъ кгородскихъ суть зоставлены и злеконы» 125. В этом своем значении слово *суд* не имеет в Статуте синонимов⁶.

И, наконец, слово *суд* в Статуте, как и в некоторых древнерусских памятниках, может обозначать решение суда или приговор: «Тогды врьдъ инъшыхъ поветов... приводячи оныи судъ ку выконанью маеть

⁶ Несинонимичны слову *суд* названия двух других институтов с судебными функциями, предусмотренных Статутом — *пень* (артикул 5 раздела X) и *копа* (арт. 9 раздела XIV). Слово *пень* как юридический термин нельзя, очевидно, возводить к древнерусскому «пень и колода», которое отмечает И. И. Срезневский («Материалы...», т. II, стр. 1759), так как значение его очень далеко от древнерусского. Другое слово — *копа* также, вероятно, не связано с древнерусским *копа* (60 единиц). Проф. И. Яблонскис (см. J. Jablonskis, Lietuviški žodžiai senosios Lietuvos raštinii kalboje, I, Kaunas, 1940, p. 184) считает это слово литовским (ср. совр. литовск. *kuopa* в различных значениях). Сомнение вызывает одно обстоятельство: из артикула 9 раздела XIV, вводящего институт *копы* во всё государство, видно, что до Третьяка Статута *копы* были «на Руси», т.е. в русских землях Литовского княжества, но не указывается, что они носили там какое-либо иное название: «А на руси и инъде где здавна *копы* бывали, тамъ мають быти и теперь *копы* отправованы на старыхъ коповицахъ тимъ обычаемъ яко первей того бывало. А на тыхъ тежь месьцахъ где досель *копы* не бывали таковымъ же порядкомъ и поступкомъ *копы* збираны и отправованы были мають, яко ся и на Руси заховывало и заховуеть» 533. Можно думать, что *копа* была известна русским раньше, чем литовцам.

противъ стороны противное в томъ поступовати» 232; «а заплатившы тые вины, тотъ судъ перьвшыи при моцы зостати маеть» 235. В этом случае оно синонимично старобелорусским *розсудок*, *сказанье судовое*, латинскому *декрет*.

Интересна судьба слова *присуд* в юридических памятниках Литовского княжества. В записях Литовской метрики XV века его значение совпадает с древнерусским (см. материалы И. И. Срезневского) — оно обозначает определенную территорию, подсудную тому или иному князю, который и получает со своих подданных судебную пошлину: «А присудъ весь королевъ въ техъ местахъ здавна» ЛМ27к4 № 140; «А московскому присуда нетъ» (там же).

Таким в общих чертах осталось значение слова *присуд* и в русских судебниках XVI века, с той лишь разницей, что судебные функции перешли к специальным судам. (См. Судебник 1550 г., статьи 30, 95, Судебник 1589 г., ст. 56 кратк. списка).

В Литве же в период действия Третьего Статута подсудность того или иного лица определялась не только по территориальному признаку, но была связана с сословной его принадлежностью. Поэтому, например, жители разных сословий («станов», по Статуту) одного города находились под юрисдикцией разных судов. Это привело к тому, что слово *присуд* в Статуте по своему значению не связано с территорией или с судебными пошлинами (последние здесь называются *пересуд* и *паметное*), а обозначает лишь подсудность тому или иному суду («праву», по терминологии Статута): «Уставуемъ абы въ такихъ домахъ которые панове рада наши и иные станы народу шляхетского в месте нашомъ столечномъ виленскомъ и в иншихъ местахъ не подъ присудомъ местскимъ але подъ правомъ и вольностью шляхетскою держать ниhto свольне безъ призовенья ихъ самихъ господами не становиль се» 116; «...тогда маеть быти с тымъ лицомъ ведень шляхтичь до того вряду подъ чимъ присудомъ будеть и тамъ себе справедливости доводити» 498.

Перейдем к рассмотрению названий преступлений и преступников. Статут является кодексом уголовного, гражданского и военного права. Поэтому и преступления, предусмотренные его статьями (артикулами), носят различный характер. Но можно считать, что древнерусские по происхождению слова относятся лишь к уголовному праву и обозначают преступления против права частной собственности и личности. Преступления против права частной собственности, предусмотренные Статутом 1588 г., могут быть двух родов: а) присвоение, насильственный захват чужого имущества и б) порча его. Кроме того, предусмотрены случаи, когда преступным является плохое хозяйничанье опекуна или человека, которому поручено временное управление именем. Из слов, обозначающих захват чужого имущества, древнерусскими являются: *нахоженье*, *наход*, *наезд*, *наитье*, *розбой*, *грабеж*, *пограбенье*. За исключением двух последних, значения этих слов не отличаются от тех, в

которых они зафиксированы в «Материалах» И. И. Срезневского. Слова *нахоженье*, *наход*, *наитье*, *наезд*, *розбой* обозначают различные виды нападения. Характерно, что в Статуте нет общего названия разбойного нападения, а предусматриваются конкретные виды нападения, различающиеся не целью, а характером, и главное, средствами: возможно, *наход*, *наитье*, *нахоженье* обозначают пешее нападение, *наезд* (а также и слово *наеханье*, не отмеченное в древнерусском языке) — на лошадях. Таково значение и соответствующих глаголов. Несколько примеров для иллюстрации: «А если бы квалтомъ наехалъ або нашолъ а никого не ранилъ ани забилъ... тогда только за квалт повинен будетъ платити... а горъла для нахоженья квалту не тратить» 394; «О квалтъъ або находъ военный в обозе» 603; «а тое бы забиство стало се не при квалтовъномъ наеханью або наитью на дом шляхетский» 427; «Хто бы на войне будучи... на домъ або на гумно паездчал... и при таком наезде квалтовномъ естли бы в дому такомъ забилъ» 58. Из примеров видно, что слова *наход*, *наитье*, *нахоженье* не отличаются друг от друга своим значением; также равнозначны слова *наезд* и *наеханье*.

Слово *розбой* обозначает грабёж, сопровождаемый насилием, часто убийством. Обычно это «подорожный розбой», то есть нападение и грабёж на дороге: «...кгда бы ся кому сталъ якии квалтъ... албо тежъ шкода пожою злодеиствомъ будъ тежъ на дорозе розбоемъ» 456. В таком же значении употребляется и соответствующий глагол: «...естли бы шляхтичъ шляхтича на дорозе розбилъ и лупъ учинилъ а оныи розбитыи у парсуну его позналъ» 248. Но он может употребляться и в обычном, не терминологическом значении: «...с пригоды судно ся розбило» 38.

Слово *грабеж* в Статуте употребляется в том же значении, в котором мы видим его в древнерусских памятниках: а) для обозначения насильственного захвата чужой собственности: «...кто грабёж учинилъ, кони побралъ» 510; б) для обозначения награбленного имущества (в этом случае возможно и множественное число): «...маеть квалтъ и раны платити а грабежи с навезкою поворочати» 444.

В Русской Правде и в других древнерусских памятниках (Новг. 1 лет. старш изв. 6717 г., Митрополичье правосудие XIV в.) слово *грабеж* означает еще «конфискацию имущества — вид наказания»⁷. Примером может служить следующая фраза: «Аже зажгутъ гумно, то на потокъ, на грабежъ домъ его, переди пагубу исплатившю...» (Рус. Пр. простр. ред., статья 79, стр. 104). Очевидно, с этим значением связано своеобразное употребление слов *грабеж*, *грабити*, *пограбити*, *пограбенье*, которое мы находим в Статуте. Очень хорошо выясняется значение этих слов в артикуле 5 раздела X. Из него видно, что Статут решает хозяину конфисковать вырубленный у него лес до третьейкого

⁷ М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, МГУ, 1953; в ст.: Материалы для объяснительного словаря Русской Правды и указателя, стр. 143.

суда — «пня», решение которого в таких делах имело такую же силу, как и решения земского суда. И эти законные действия хозяина леса, поймавшего вора с поличным, определяются словами *грабеж, грабити, пограбити, пограбенье*.

Но эти слова обозначают не только арест вырубленного леса, но, очевидно, всякий самовольный арест имущества должника с целью принудить его заплатить долг. Об этом свидетельствует артикул 37 раздела III, который запрещает мещанам таким самовольным арестом получать долги с крестьян: «...мещане... о долги свои якие кольвекъ и о жадные инъшие речи не мають селян... на торгу заповедати и грабити, ани тым себе на них справедливости доводити, але о тые долги и инъшие кривды с тыми виноватыми у пановъ их... будутъ повинъни справедливости доходити» 108.

Словами *грабеж, пограбити* называется и арест скота на «испаш» — потраве (в этом значении они синонимичны старобелорусским *заимованье, заимовати, заняти*): «...нихто стада сверепьяго... на испашу заимовати не маеть ани въ грабежъ брати» 509. Для характеристики глагола *пограбити* интересен и следующий пример из Статута: «Уставуем: хто бы едучи дорогою браль або жалъ жито и инъшое збожье або выпаствилъ и вытопталь коньми а за испашъ пограбити се не даль, таковыи будетъ виненъ стороне жалобливои три рубли грошен заплайти» 115.

Синонимичны друг другу и слова *грабеж* и *пограбенье*. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что статья, запрещающая арест кобыл, откуда взят приведенный выше отрывок, называется «О пограбенье стада сверепьяго и о цене его» 508.

В таком значении ни слова *грабеж, грабить*, ни производные от них не употребляются в русских юридических памятниках XV—XVI веков (ср., например, с Псковской Судной грамотой, московскими судебниками и др., где слова *грабить, грабеж* употребляются лишь в первом из указанных нами значений; слово «пограбенье» — древнерусское «пограбление» — отсутствует).

Порча чужого имущества (уничтожение огнем) в Статуте обозначается существительными *пожога, поपालенье* (стр. 391) и соответствующими глаголами — *зажогъ* (1389), *ожогъ* (388), *выжогъ* (364), *запалилъ*, сочетаниями *пожаромъ опалилъ, пожар пустил* (389). Эти слова, за исключением *пожога*, в тех же значениях встречаются в ранних древнерусских памятниках (см. Срезн.). Слово *пожога* (в Статуте оно жен. рода) мы находим в русских памятниках не раньше XV века: Новг. судн. гр. 1471 г., в московских судебниках (здесь пожегъ — существительное муж. рода)⁸. Но в судебныхниках этим словом обозначается только поджог; в Статуте же *пожога* может обозначать и поджог: «Если бы тежъ хто будучи о похвалку на здоровье або на пожару вчиненую позванъ» 447, и пожар: «о шkode которая ся станеть часу пожо-

⁸ Судебник 1497 г., статья 7, 1550 г. — ст. 12, 62, 1589 г. — ст. 17.

ги або в стоненью на воде» 547. В этом случае слово *пожога* синонимично слову *пожар*, имеющемуся в Статуте.

Из слов, обозначающих преступления против личности, древнерусским по происхождению является слово *насилъе*. Но в общем значении «насилие, применение силы», в котором это слово встречается в древнерусских памятниках (Мирн. дог. Новг. 1119 г., Смол. гр. 1229 г., Смол. гр. 1230 г. Срезн.), в Статуте обычно употребляется слово *кввалтъ* (нем. *Gewalt*); возможно поэтому слово *насилъе* (встретилось один раз) означает изнасилование, то есть уже по своему значению, нежели в древнерусском языке: «Хто бы... кввалтъ насилъе белой голове учинилъ...» 58.

Не изменили в Статуте своего значения такие известные нам еще из древнерусских памятников юридические термины, как *бои* и *звада* (в Рус. Правде — *свада* — простор. ред., статьи 4 и 5). Понятием *свады* определяется условие совершения преступления — убийства, ранения. Преступление, совершенное в *сваде* (*зваде*) карается иначе, нежели то, которое совершено «без всякое *свады*» (см. Рус. Пр., указанные статьи). Слово *звада* сохранилось в Статуте: «...а где бы се у волнои *зваде* обадва забили» 404, но в московских судебныхниках уже отсутствует.

С Русской Правдой связано, очевидно, и употребление в Статуте слова *голова* в двух значениях: «убитый» (Рус. Пр. кратк. ред. ст-я 2) и «убийство» (Рус. Пр. простр. ред. ст-и 2, 8, 17). Для сравнения возьмем два примера: 1) «...одножь где бы по забитои голове шляхетъской дети... еще летъ недорослыхъ были...» 177, где *голова* — «убитый», и 2) «стороне болячей вольно будетъ завжды того догледати, якъ и где вязень, будь за голову або за якии иныи выступъ, седеть» 174. Здесь *голова* — «убийство». В этом значении слово *голова* может употребляться и во множественном числе: «обвиненыи в головахъ кввалтовникъ...» 394.

Примечательно, что в русских судебныхниках, современных Статуту, слово *голова* в этих значениях уже не употребляется. Да и в Статуте рядом с ним в тех же значениях употребляются другие слова — *забитыи* (в московских судебныхниках — *убитый*⁹) и *забоиство* (в московских — *душегубство*)¹⁰.

Как юридический термин в Статуте, так и в древнерусских памятниках, выступает выражение «выдавать (выдать) головою», смысл которого ясен из следующей фразы: «...тогда они повинъни будутъ тую шкоду платити, а в недостатку заплаты и сами головами выдаваны быти, нижли не въ вечную неволю, одно покуль ся выробить» 544. То же и в московских судебныхниках; в Псковской судной грамоте ему соответствует выражение «в рубли выдать» (статья 111, стр. 190).

⁹ Судебник 1497 г. — ст. 6, 7, 38; 1550 г. — ст. 11, 12, 16, 62; 1589 г. — ст. 15, 17, 27.

¹⁰ Судебник 1497 г. — ст. 7, 8, 38, 39; 1550 г. — ст. 12, 59, 60, 62; 1589 г. — 17, 110, 113, 114.

Конечно, слово *голова* в Статуте употребляется и в нетерминологическом значении — как название части тела, название единицы при счете. Сочетание *белая голова* обозначает женщину-шляхтянку¹¹, женщина другого сословия называется *жонка*.

Из слов, обозначающих преступников, древнерусскими по происхождению являются *головник* и *розбойник*.

Слово *головник* уже в Русской Правде обозначает убийцу (кратк. ст. 19, простр. — 3, 4). В русских памятниках оно встречается и позже. Например, в Псковской суд. грамоте читаем: «А где учинится головщина, а доличат кого головника, ино князю на головниках взять рубль продажи» (ст-я 96, стр. 182). Но уже в московских судебныхниках XV—XVI веков слово *головник* заменяется словом *убойца*.

В Статуте слово *головник* встречается несколько раз, но во всех случаях в составе названия башни («вежы»), предназначенной для особо важных преступников: «...за своволенство такое повинен будет везенье чверть году самъ утерпети у вежы на дне на головники поставлено» 426; «...у везенью другом где головников не сажают его опатрити...» 174. Обычно же для обозначения убийцы употребляются слова *завоюца* и *мужебоюца* — слова старобелорусские, или заимствованное *мордер* (нем. Mörder — убийца). Слово же *розбойник* в Статуте употребляется в том же значении, что и в древнерусских памятниках — «грабитель, разбойник» (Срезн.). К названиям преступников надо отнести и слово *помочник*. Оно в древнерусских памятниках зафиксировано с XI века (Срезн.), но не имеет юридического значения: обозначает помощника, заступника. В Статуте же слово *помочник* обозначает соучастника преступления: «...а не только самъ але и помочники такового хто з нимъ на томъ кгвалъте будутъ такъ же горъломъ карани будутъ» 393. О том, что слово *помочник* в Статуте превратилось в юридический термин, можно судить по следующей фразе: «Ведъже слуги пановъ своихъ за помочники розумени быти не могутъ» 394, т.е. слуги, помогающие панам в совершении преступления, не считаются соучастниками и не разделяют их ответственности перед законом.

Терминологическое значение имеет и глагол *помагати* (так!), который в Статуте означает «быть соучастником преступления»: «дети того мужебоюства не помагали»¹² 399.

Перейдем к рассмотрению терминов, связанных с судебным процессом. По установлению Статута земский суд должен был заседать трижды в год, градский — раз в месяц. Эти периодические заседания

¹¹ По белому головному убору, который носили женщины-шляхтянки в Литве, как считает Горбачевский (см. Горбачевский, Словарь древнего актового языка Северо-западного края и царства Польского, 1874).

¹² Термин «помогать (головнику)» есть и в Русской Правде, но имеет иное значение: здесь речь идет о помощи верви головнику в уплате виры (прост. ред. ст. 4, 8, стр. 88, 89).

суда называются *роками судовыми* — роки земские, роки кгородские: «Теж уставуемъ, ижъ суды земьские мають быти трикрот до году тоестъ трои роки судовые» 192.

Слово *рок* известно многим древнерусским памятникам в разных значениях («срок», «рок», «возраст» и др. Срезн.). Многозначно оно и в Статуте, как и в других литовских памятниках¹. Кроме приведенного, слово *рок* имеет значение «срок». Например, сочетание слов «роки заплате» обозначает срок уплаты присужденного судом штрафа (стр. 242). В значении «срок» это слово встречается и в Литовской метрике: «А рокъ имъ в тое мыто увезатися — на светого Ильи день...» ЛМ27к4 № 7, стр. 218.

Но *рок* в литовских памятниках может обозначать и год — 12 месяцев. И. И. Срезневский отмечает его в Привилее Витовта 1388 г. То же и в Статуте: «А тые помочники мають рокъ и шесть недель седети в замку нашом» 428, хотя в этом значении употребляется и слово *год* (см. хотя бы первый пример к слову *рок*).

Совмещение значений «год» и «срок» в одном слове мы видим, кажется, еще в Русской Правде: «А въ даче не холопъ, ни по хлебе работать, ни по придатьце; но оже не доходить года, то ворочати ему милость; отходить ли, то не виновать есть» (ст-я 105, стр. 109). В комментариях к этой статье М. Н. Тихомиров говорит: «Год не обязательно год времени, а обозначение срока: «егда же бываетъ год молитвы, мало ихъ обретається въ церкви» (Ип. лет., стр. 120). Смысл статьи: за дачу, за хлеб, за придаток не обращают в холопа, но получивши милость, должен остаться в зависимости до конца срока или вернуть полученное; по окончании же срока делается свободным¹³. Если автор прав, то здесь мы имеем такое совмещение значений в слове *год*, какое в Статуте и в других литовских памятниках находим для слова *рок*. Употребление этого слова в сочетаниях «роки судовые», «рок завитый» тоже связано со значением «срок» — это названия заседаний суда, которые связаны с определенным сроком. В других же случаях, как говорилось выше, заседание суда называется *суд*.

Для обозначения судебного дела, тяжбы в Статуте находим слова *дело*, *речь*, *справа*. Первые два слова встречаются в древнерусских памятниках (как отмечает Срезневский, не раньше XIV века) в значениях, близких к значению их в Статуте; слово же *справа* — старобелорусское.

Дело как юридический термин находим и в записях Литовской метрики XV века (см., например, ЛМ27к4 № 140). В Статуте читаем «...уставуемъ ижъ хто бы до кого мель которое дело о кривду або о якую жъ кольвекъ речь, тогда маеть от писара земского того повету позвы або мамърамы взяти» 149. Понятие, обозначаемое словом *дело*, в Статуте может передаваться и старобелорусским *справа*. Но, в то время, как *дело* имеет только юридическое значение, слово *справа* может обозначать всякие дела, не только тяжбу (нотариальные записи,

¹³ М. Н. Тихомиров, Пособие..., стр. 110.

исполнение решений суда и др.). Кроме того, слово *справа* означает и «справка», «сведения»: «давали о себе справу» 289, «комисаромъ справу дати» 358.

Со словом *речь* соотношение слова *дело* несколько иное. *Речь* в значениях, близких к значениям его в Статуте (не только в общих значениях «язык», «вещь», «предмет», но и в юридических «дело», «несогласие», «обвинение»), И. И. Срезневский отмечает по большому количеству древнерусских памятников. В значении «дело» (не обязательно судебное) употребляется это слово и в Литовской метрике (см., например, ЛМ27к4 № 101). Как синоним к слову *дело* употребляется *речь* и в Статуте. Но от слов *дело* и *справа* оно отличается большей конкретностью: обычно оно обозначает не столько само судебное дело, сколько предмет тяжбы, то, о чем идет спор между сторонами: «если бы хто с подданных нашихъ... до розныхъ судовъ семейскихъ былъ позван... тогда маеть в томъ повете стати, до которого есть о большую речь припозванъ» 161.

Со значением слова *речь* — «судебное дело» связано употребление этого слова в сочетании *речь тратить*, что значит «проиграть дело»: «То жъ ся и о жалобни стороне разумети маеть, ижъ где вступивши з стороною своєю противною в право в прочь от вряду отышолъ, тогда таковыи речь свою тратить» 125.

Но *речь* в Статуте имеет и ряд других значений. Именно с этими другими значениями связано употребление его в таких сочетаниях, как *речи мовити* (214)¹⁴ — «выступать на суде», *речи рухомые* (242) — «движимое имущество», *речь замкнул* (422) и, наконец, *Речь посполитая*. Последнее сочетание имеет в Статуте несколько значений, на которых сейчас нет надобности останавливаться, так как они не связаны с судебной практикой.

Не потребуют особого рассмотрения те древнерусские юридические термины, которые сохранились в Статуте без каких-либо существенных изменений. Таковы: *жалоба*, *жалобник*, *жеребей* («жребий»), *противник*, или *спротивник* («сопротивляющийся суду»), *лицо* в значении «поличное» (в Русской Правде *лице* — простр. ред. ст. 17, 28, 31, 32, 33, 35, 39), отсюда *приличныи злодеи* в Статуте означает «вор, пойманный с поличным» (стр. 536, 540 и др.), точно так же не изменились слова: *звод* (в Рус. Правде — *свод*), *парука*, *парученье*, *паручник*, *сведок*, *сок* («обвинитель, доносчик»), *урезанье*, *турма*.

Каждый из тяжущихся в Статуте, как и во многих древнерусских памятниках письменности (так и в литовских), обозначается словом *сторона*. Здесь мы находим большое количество прилагательных, уточняющих значение этого слова. Но в их употреблении нет постоянства.

¹⁴ Со значением слова *речь* — «выступление на суде» связано, очевидно, и слово *речник*, обозначающее здесь не оратора — значение, в котором И. И. Срезневский отмечает это слово в Мин. чет., а адвоката на суде: «...таковыи... речнику або умоцованому речь свою ку мовенью у права злетити листом своим отвороним маеть» 212. (То же и в переводе Вислицкого Статута, см. АЗР № 2, стр. 7). В Литовском Статуте слово *речник* употребляется наряду с латинским *прокуратор*.

Сторона, подающая иск, обычно называется *стороной поводовой*, или просто *повод*; но наряду с этим она может называться и *стороной жалобной, жалобливою, болячею, ображоною*; ответчик называется *стороной отпорной*, или *отпор*, *стороной обжалованой, позваной*.

Но слово *сторона* в нашем памятнике имеет и другие значения. Одно из них связано с работой суда: так здесь называются понятия, которые сопровождают возного при исполнении им своих обязанностей: «...кгда бы возныи не доехавши до книгъ и сознанья не учинивши умеръ, тогда оная шляхта, которые бы на онъ часть при возном стороною были, мають быти через сторону жалобную заразом скоро по смерти оного возного змерълого передъ урядомъ ставлены» 136.

В то же время слово *сторона* может употребляться и в неюридических значениях: «страна», «сторона», наречие *на сторону* («боязнь божую и встыд отложивши на сторону вшетечне мешкала» 549).

Наряду со словом *сторона* для обозначения одной из сторон в Статуте употребляется слово *истец*. В «Материалах» И. И. Срезневского для него указываются три значения: а) «истец» (Рус. Пр. ст-и 17, 31, 32, 35, 42, 88 простр. ред.)¹⁵, б) «ответчик» (Р. Пр. ст-я 3 сокр. ред.), в) «сторона в юридических отношениях—истец и ответчик» (Договорные грамоты XIV века, Пск. судн. грамота и др.). В Псковской судной грамоте читаем: «А кто возмет грамоту на своего исца, и оно ограмочену поймав по грамоте не мучит, не бить, поставить перед господою; а ограмочному против своего исца ни битися, ни колотитися» (ст-я 26, стр. 146).

Двойственность значения слова *истец* (или только «истец», или и «истец» и «ответчик») сохраняется в русских юридических документах и в XV—XVII веках. Интересны в этом отношении московские судебники XV—XVI веков. Возьмём для сравнения два примера из Судебника 1497 г. Здесь, в статье 37, говорится: «А будут оба исца того города или волости судимыя, и ему обоих исцов поставити пред наместником или пред волостелем или перед их тиуны» (стр. 24), а в статье 10: «да исцу его выдать в его гибели головою на продажу» (стр. 20). То же и в Судебнике 1589 г., статье 155: «А судиям судити, род и племя оставя обоих исцов опричинными людьми, кого полюбят оба исца» (стр. 401), а в статье 18 читаем: «им спросити исца и ответчика» (стр. 377). Но в этом судебнике намечается все же определенная тенденция к закреплению за словом *истец* того значения, в котором оно употреблено во втором примере. Статья 18 Судебника 1589 г., откуда взят этот пример, соответствует статье 13 Судебника 1550 года, но там слово *истец* обозначает обе стороны, а сторона, подающая иск, названа *ищей*: «...околничему и дьяку вспросити исцов, и ищей и ответчиков...» (ст-я 13, стр. 144).

Однако полная дифференциация в то время еще не произошла: двойственность значения этого слова сохраняется и в памятниках

¹⁵ Номера статей даются нами по книге М. Н. Тихомирова (см. М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, 1953).

XVII века. Об этом говорит хотя бы следующий отрывок из Судной грамоты Устюжны Железнопольской 1614 года: «...а в которых будет делах... управы чинити не мочно и они суда своего списки, обоих исцов присылают к докладу к нам к Москве» (из ААЭ, т. III, № 36, стр. 75)¹⁶.

Можно думать, что в древнерусских юридических памятниках XIV—XV веков (возможно, и позже) слово *истец* могло иметь еще одно значение, не учтенное И. И. Срезневским. На эту мысль, прежде всего, наводят примеры, приведенные им к значению «сторона в юридических отношениях, истец и ответчик». Дело в том, что большинство приведенных примеров, по существу, не иллюстрируют названного значения. В восьми из десяти приведенных И. И. Срезневским цитат из памятников XIV—XV веков (в двух — 7 и 9 — определить значение трудно: слишком короткий текст) слово *истец* обозначает первоначального владельца движимого или недвижимого имущества, которое было украдено, продано, заложено или обменено, — в каком-то смысле «истинного владельца». Неслучайно поэтому, что в приведенных И. И. Срезневским примерах слово *истец* употреблено в контексте, где ничего не говорится о суде, о тяжбе; в указанном нами значении слово *истец* не связано с судебным процессом. Зато почти в каждом примере дается своеобразное пояснение к этому слову: «А что сель покупили мои бояре и слугы в мое княжение, тех сель отступилса есмь Новгороду бес кунь; знати ему своего истьяца *у кого купил*» (Дог. гр. в. к. Мих. Яр. с Новг. 1318 г. Срезн.)¹⁷ Может быть, неслучайно и то, что слово *истец* в Русской Правде (за исключением статьи 17) встречается в статьях о краже и своде — в статьях, направленных на установление истинного владельца украденной, спорной вещи.

Если верно наше толкование слова *истец* в примерах, приведенных И. И. Срезневским, то легко определить и значение слова *истинный*, что И. И. Срезневский не счёл возможным сделать в следующем отрывке из Дог. гр. 1349 г. (памятник, судя по языку, юго-западный): «Аже самъ не можеть заплатити тотъ истиньныи, што же уложить его у вину, хочеть ли самъ король заплатити за нь, а его дедичство себе узяти, не усхочеть ли король сам заплатити, дасть тому то дедичство, кто его потяжеть» (Срезн.). Т. е., если владелец имения, дедич, не сможет заплатить штраф, наложенный на него, то король может сделать это и забрать его родовое имение или может отдать его тому, кто заплатит. Можно думать, что и в данном случае *истинный* означает «истинный владелец».

Вернемся к Статуту. Здесь, как уже говорилось, слово *истец* может обозначать ответчика (но не истца): «А естли бы тотъ истецъ не мель чымъ платити, тогда в том долгу маеть судъ его самого вы-

¹⁶ Цитируется по кн.: Судебники XIV—XV веков, под ред. Б. Д. Грекова, изд. АН СССР, 1952, комментарий к статье 24 Судебника 1589 года, стр. 453.

¹⁷ Этот же пример приведен и М. Н. Тихомировым в «Пособии...», в «Материалах для словаря Рус. Правды» (стр. 150). Но и здесь значение слова *истец* определяется как «тяжущиеся стороны на суде», «истец» или «ответчик».

дати» 315. Несколько отличается значение этого слова в следующем примере: «Тымъ же способомъ всякому стану долъговъ своихъ позычонныхъ за описами водле сего статуту справеными на истьцу и потомъкохъ его доходити вольно будетъ» 318. Здесь оно обозначает, очевидно, не ответчика, так как речь идет не о судебном процессе, а должника (хотя в Статуте употребляется и слово *должник*).

Но более обычным для Статута является употребление слова *истец* в значении, выведенном нами из примера И. И. Срезневского — как названия первоначального владельца имущества, проданного или заложенного. Возьмем хотя бы два примера: «такъ тежь хто бы кому именье, або люди, або земли продалъ, а потомъ бы тот же и тое же кому иному продалъ, тогда тотъ хто первеи купилъ маеть то одержати а тотъ которьи опосле купилъ маеть пенезеи своихъ на истьцу смотрети» 310; «кестли бы тотъ истецъ которьи именье заставилъ, передъ рокомъ на выкупенье оногo именья записаннымъ умеръ, тогды... волно будетъ потомъкомъ... отложившы суму пенезеи тую заставу одержати» 326. В первом примере истец — первоначальный владелец проданного (в данном случае — дважды), а во втором — заложенного имущества. В обоих случаях слово *истец* своим значением не связано с судебным процессом. В таком употреблении данного слова Статут, на наш взгляд, продолжает традиции древнерусских грамот, традиции, которые не сохранились в московских судебныхниках, современных Статуту.

Интересна в нашем памятнике судьба слова *рота*. И. И. Срезневским оно отмечено уже в договоре Игоря 945 года. *Рота* является единственным словом, обозначающим присягу в Русской Правде (кратк. ред., ст-и 9, 10; про стр. 17, 25, 32, 43, 44, 45, 47, 109), входит в различные словосочетания: *иде на роту, ити роте* и др., образуя слова — *ротитися* и пр. В таком же значении находим это слово и в более поздних русских памятниках (например, в Пск. Судн. гр., ст-и 13, 17, 18 и мн. др.). Но в московских судебныхниках этого слова уже нет: оно заменяется выражением *крест целовати, целование*¹⁸.

В Статуте *ротою* называется не присяга, а готовый текст, по которому приносилась присяга. Такие готовые формы («роты») выдавались стороне, которой суд назначал присягу: «а тамъ дня третего сторона противная, противъ которое маеть быти прысега чинена, маеть роту тое присеги от писара с подъписью руки его взявши оную сторону свою до присеги перед возным и стороною двема шляхътичами вести, а возный роту выдавати маеть» 240. По ротам же присягали и должностные лица, вступая в должность: «А тые особы... мають... присегу на суды вделати ротою судьи земского» 178. В Статуте приведены полностью две такие роты: одна — судьи и подсудка, другая — писаря земских.

¹⁸ А. Г. Преображенский (см. А. Г. Преображенский, *Этимологический словарь русского языка*, М., 1958) отмечает слова *рота, ротитися* в значении «божба, клятва, клясться» с отметкой «сев., вост. сиб.». В «Словаре областного архангельского наречия» Подвысоцкого (СПб., 1885 г.) *рота* определяется как «форма присяги» с указанием: «По такой «роте» присягали перед судом самоеды».

К переосмыслению слова *рота* могли привести два обстоятельства:

1. Влияние польского языка, где слово *gota*, возможно и в XVI веке, имело те два значения, в которых отмечает его Линде: а. „*przysięga*“, б. „*gotuła juramenti*“¹⁹.

2. Широкое распространение в литовских памятниках слова *присяга*. И. И. Срезневский отмечает его с XI века в значении «клятвенным предметом», но, в основном, не в юридических памятниках. А в Русской Правде, в русских судебных грамотах и судебныхниках оно отсутствует.

В литовских же памятниках слово *присяга* заменило собою древнерусское *рота*. И это не только в Статуте (см. приведенные выше примеры), но и в памятниках XIV—XV веков. Например: «И бояре Полоцкие передь нами мовили, ижъ здавна тое присеги не было...» ЛМ27к4 № 98.

Это и привело, очевидно, к тому, что слово *рота* стало обозначать лишь готовую форму присяги.

Древнерусским по происхождению является часть слов, обозначающих приговор суда. Проф. И. Малиновский в приведенной нами цитате, говоря о некоторых юридических терминах, успевших сложиться ко времени написания Статута, относит к последним и слово *вина*. Действительно, слово это получает терминологическое значение в литовских юридических памятниках еще в XIV—XV веках. Уже здесь слово *вина*, кроме обычного для ранних русских юридических памятников значения «вина», «виновность» (Рус. Правда, простр. ред., ст-и 5, 20, 55, 84 и др., то же и в более поздних русских памятниках), употребляется как юридический термин в значениях: «обвинение» и «штраф». Об этом можно судить по следующим примерам:

1. «Тежъ которыи судья, а любо которыи старшыи, или их наместникъ, хотячи кого утегати, не имеючи на него жалобы ни одное, а ни вины... позы на него чиняты, а хотячи на немъ нешто выдрать...» АЗР № 2, стр. 5.

2. «...про то мы уставуемъ: ижъ хто коли кого позоветъ безъ повода, имеетъ вину заплатити пятнадцать» АЗР № 2. «...а кгда бы жидь былъ посветчонъ, тогды жидь виною маеть быти каранъ за проступокъ» АЗРМ № 9. «А в томъ на насъ закладъ закладываемъ: хто тое рушить, на томъ намъ вины сто рублевъ грошей» ЛМ27к4 № 67, стр. 381.

Характерно для этих памятников выражение *под виною*, что означает «под угрозой», «под страхом», очевидно, первоначально — «под угрозой обвинения» (см., например, АЗР № 2, стр. 4)²⁰.

¹⁹ J. Linde, Słownik języka polskiego, t. V, Łwów, 1859. В тех же значениях („*przysięga*, *formula przysięgi*“) употребляется это слово и в современном польском языке.

²⁰ Не совсем ясно значение слова *вина* в следующих записях Литовской метрики (в записях пожалований короля Казимира 1487 и след. годов): «Сенюте 2 рубли з вины у Каменьцы» ЛМ27к4 № 4, стр. 235 «Гридыку Лобазе 3 рубля з винъ у Апишикахъ» (там же). «Юрию Якубовичю Костевича 5 коп с корчомъ Волковыскихъ, а 4 рубли з винъ в Красномъ Селе» (там же, № 17, стр. 253). «Брату его

Точно так же и в Статуте 1588 года слово *вина* может означать вину, виновность: «...врядь нашъ маеть сказанье против стороны обвиненое учинити водлугъ вины и учинку порядкомъ сего статуту» 249: Поэтому сочетание *вину дати* означает «обвинить»: «...а обвиненыи потом третего дня о то в чомъ ему вину дадутъ усраведливитисъ будетъ винень» 221, *в вину впасть* — «оказаться виноватым, совершить преступление»: «кгда бы хто... впаль в такую вину» 399 (в тексте ошибочно 390), потому и в следующем примере слово *винного* означает «виноватого», а *безвинные* — «без вины»: «...винного подле выступу его маемъ карати, а безвинные и безъ права... не будемъ ни въ кого врьдовъ брати» 81. В Статуте есть и слово *виноватыи*: «тогда тому маеть виноватыи заплатити» 423. В этом своем значении слово *винныи* оказывается омонимичным со старобелорусским *винныи*, в значении «обязанный» (соответственно *повинность* — «обязанность»): «...чого печатары и писары наши с повинности своее постерегати винныи будутъ».

И совсем уже со словами *вина*, *винныи*, *виноватыи* в упомянутом значении не связаны встречающиеся в Статуте польские по происхождению слова *повиноватство* (то же, что и *покровенство* — «кровное родство») и *повиноватыи* — «родственник по крови»; значение последнего слова ясно из следующего отрывка: «Так же ся маеть розумети и о дочце, паньне и вдове, зятю и внуку и о каждом повиноватомъ неоселом, которые бы, мешкаючи пры родичох своихъ кому въ суседьстве кривду якую учинили» 201.

Очевидно, с указанным значением слова *вина* — «виновность» связано этимологически и второе значение этого слова — «денежный штраф» (в пользу казны или потерпевшего), в котором мы находим его в различных литовских памятниках, включая и Третий Статут, где в статье 47 раздела III, например, читаем: «заплатити укривжоному вины три копы грошей и шкodu на чомъ будетъ доводъ уделань» 115. Отсюда сочетание *виною карати* означает «подвергать денежному штрафу»: «...тотъ маеть быти виною каранъ до скарбу нашего земьского стома копами грошей» 118.

Переосмысление и, как результат его, терминологизация слова *вина* обусловлено, вероятно, тем обстоятельством, что в Статуте (как и в других литовских памятниках) для обозначения платы за преступления

князю Фёдору 11 копъ с корчомъ Ковеньских, а 4 рубли з вин, а 4 локти адамашки з скарбу» (там же, стр. 249). В этих и в других записях пожалований, кроме вины (или вин) как источник получения жалуемых денег или товаров, в метрике упоминаются: с корчом, с ключа, с дани, с недопольников, с поголовщины, с подымьшинных, с верховшинных з скарбу (см. ЛМ27к4, №№ 14—17). Судя по тому, что последние обозначают источники дохода королевской казны («скарба»), можно думать, что и *вина*, или *вины* обозначают доход, получаемый от штрафов, которые назначались и взимались судами. Надо вспомнить, что в Литве, когда в казне не хватало денег для расплаты, князь давал «квиты», по которым можно было получить деньги или товары непосредственно из источников государственного дохода. Об этом свидетельствуют многие записи Литовской метрики. Кроме того, в пользу нашего объяснения говорит и то, что во всех случаях «из вин» назначаются пожалования деньгами (из других источников может быть и товарам).

часто употребляются названия этих преступлений (как в приведенном примере: «заплатити... шкоду», т. е. заплатить за нанесенный ущерб, или: «квалт и раны платити» 444 и др.). Соответственно, из выражения «платити вину» (первоначально в значении «за вину», аналогично приведенным выше примерам) в результате его переосмысления слово *вина* стало пониматься как название штрафа.

Возможно, такой же путь переосмысления прошло и слово *головщина*. Оно в Псковской судной грамоте обозначает убийство (ст-и 26, 96, 98) и только в этом значении употребляется. Например: «А где учинится головщина, а доличат кого головника, ино князю на головниках взять рубль продажи» (ст-я 96, стр. 182).

В Статуте же слово *головщина* (иногда *головщизна* — вероятно, влияние польского языка) означает не «убийство», которое здесь, как уже говорилось, называется *забойство*, *забитье* и реже — *голова*, а вознаграждение за убитого, которое по решению суда должен был платить убийца родственникам последнего (в Рус. Правде такое вознаграждение, выплачиваемое самим убийцей (головником) без помощи верви, называется *головничество* (см. ст-ю 4 простр. ред.). Значение слова *головщина* в Статуте ясно из следующих примеров: «...а детямъ або близкимъ забитого, головщина на имению виноватого совито отправена быти маеть» 133; «...за такого выволаньца забитье ништо головщины платити не будеть повинень» 399. Думается, что это значение слова *головщина* образовалось из сочетания «платити головщину» в смысле «за головщину», т. е. за убийство. А затем, как в случае со словом *вина*, *головщина* начинает пониматься как плата, штраф за убийство, а не само убийство; тем более, что, как уже отмечалось, для выражения понятия «убийство» в языке Статута имелись другие слова.

К словам, связанным по своему содержанию с приговором суда, следует, может быть, отнести и слово *мука*. Оно известно и ранним русским памятникам, но не имеет там юридического значения, обозначая «мучение, муку» (Срезн.). В Статуте же значение слова сужается: здесь это не мучение вообще, а истязание, применяемое по закону или как мера наказания, как, например, в следующем отрывке: «За забитье... розными сроками муками з сего света зъглажонь будеть» 413, или как мера дознания. Для установления виновности подозреваемый мог быть «на муку выдан» 539, «на муку даван» 535, «мучон» 535. В этом смысле употребляется и глагол *домучитися* — установить виновность, пытая «подозренного»: «...и домучить ли ся злодеяства тотъ мает быти горломъ каранъ а естли ся ничего не домучить, тогда маеть его навезати водлугъ стану его» 539.

Своеобразна передача понятия «смертная казнь» в Статуте. Своеобразие, прежде всего, в том, что слово *казнь*, употребляемое в юридическом значении в ранних древнерусских памятниках, в Статуте не имеет такого значения. Оно встречается в текстах присяги судьи и писаря («ротах»): «...буду записывати... не боячи се казни, помъсты и погрозоук, не ждучи нагороженья» 123. Выражение же понятия смертной

казни в Статуте связано со словом *горло* — словом, хорошо, конечно, известным древнерусским памятникам различных стилей, но не имеющим там никакого юридического значения. В нашем же памятнике слово это имеет, прежде всего, два противоположных значения — «жизнь» и «смерть». Действительно, возьмем две группы примеров — с одной стороны: «...а тот боронечи горла своего, того кто засель забиль» 415. Потому и сочетание *горло тратить* означает «приговаривается к смертной казни»: «таковыи пакъ ли бы забиль горло и честь тратить» 133. А с другой: «горломъ маеть быти каранъ» 218; «на горло сказати» (там же), «окромья речеи кровавых где бы шло о горло» 227; «А трафить ли ся то пойманье з лицомъ албо забоиство где о горло поидеть...» 525, и наконец: «хто бы бенъкарта забиль таковыи от горла волен быти маеть» 550. Понятие «смертная казнь» передается сочетаниями со словом *горло* и в том, и в другом значении (ср. *горло тратить* и *горлом маеть быти каран*). Все это совершенно несвойственно русским памятникам — ни древним, ни современным Статуту²¹.

Общим названием судебного разбирательства о Статуте является слово *осуженье*, известное древнерусским памятникам в более узком значении — «осуждение» (Срезн.). В нашем же памятнике значение слова шире «...а врьдъ земскии на осуженье и скончанье таковую справу на судъ подькоморого отослати маеть» 368.

За разбирательство дел суд взимает плату — *пересуд* (платит обычно сторона, выигравшая процесс, но в делах о взыскании долга платит должник, т. е. ответчик): «Уставуемъ кгды судъ земскии кому што на комъ присудить, тогъды от презыску того хто зыщеть мають собе брати за працу свою пересуду от копы литовское по два грошы литовских» 128. В таком же значении — «судебная пошлина» — мы находим это слово и в древнерусских памятниках, как и в московских судебныхниках XV—XVI веков (1497 г. — ст-я 64; 1550 г. — 3, 51; 1589 г. — 3, 101, 102, 313). Но как обозначение повторного разбирательства — пересмотра дела, как отмечает И. И. Срезневский, например, в Смоленск. гр. 1229 г., слово это в Статуте не употребляется.

В Статуте рядом со словом *пересуд* обычно упоминается *памятное*. Слово это, конечно, известно очень ранним древнерусским памятникам. Но совсем не в том юридическом значении, в котором оно употребляется в Статуте. Здесь оно обозначает плату, вносимую суду за выдачу различных документов — решений суда (выроков, декретов), актов купли и продажи, различного рода «записов» и «выписов», собственно,

²¹ В картотеке древнерусского словаря Института русского языка АН СССР имеются карточки со словом *горло* в приведенных нами значениях, относящиеся к XVI—XVIII векам, но все примеры из документов, относящихся к истории Литвы и Польши или же в письмах Петра Первого: 1. «чтобы панове и шляхта за то горла свои дали... а того бы места Киева... не поступилися» (Пам. дипл. Мос. гос., т. 1, Лит. 1566 г.), «горла свои дати» (там же, 1567 г.), «горло свое стратить» (Р. Д.), «каратъ горлом» (если уйдут к польскому королю; СГД, 1659), «...прав и вольностей, потоптанных черезъ корону свейскую по горла свои боронить и не отступать» (Петр I, Письма, II).

за постановку печати — «печатованья»: «Къ тому тежь от печатованья вечностей... тотъ, хто именья набываетъ, судье паметного чотыри гроши, а подъсудку два грошы... маеть дати...» 128. В юридическом значении слово *паметное* в литовских памятниках XVI века появилось, очевидно, как перевод соответствующего латинского слова *memoriale* и польского *ramiętne*. К. Е. Ливанцев пишет: «Сторона, выигравшая дело, должна была внести в пользу разбиравшего дело судьи соответствующую плату, называемую подарком на память» (*memoriale, ramiętne*). В этих случаях закон разрешал судье взимать за разбирательство крупных дел четыре гроша, за разбирательство мелких дел — два гроша²². Сказанное относится к Вислицкому Статуту. Здесь словом *ramiętne* обозначено то, что в Литовском Статуте называется *пересудом*. И если указание К. Е. Ливанцева верно, то слово *паметное* в нашем памятнике отличается по своему значению от указанного польского. Специализация значения (плата не за выигранный процесс, а за письменное свидетельство об этом) могла быть результатом существования в литовских юридических памятниках древнерусского слова «пересуд».

С работой литовского суда, хотя и не с судебным процессом непосредственно, связаны слова *заповедь* и *закладъ*, также древнерусские по происхождению.

Значение слова *заповедь* и производных от него — *заповедати, заповедный* (лист) хорошо определяется в артикуле 22 раздела IX Статута. Здесь говорится о том, что если кто-либо посеет на чужой земле без ведома хозяина, последний должен заявить об этом земскому или городскому суду, взять здесь «лист заповедный» и через возного и двух свидетелей «заповедати» посеявшему, т. е. объявить о запрещении суда до судебного разбирательства свозить рожь со спорного («пенного») поля под закладом 12 рублей грошей. В других случаях это может быть запрещением прятать беглого (преступника или крепостного), в случае нарушения которого тоже требовалось платить заклад, объявленный в заповеди. Возьмем лишь один пример: «а онъ справедливости з него не учинишьы... черезъ ту заповедь его упустил» 437.

Надо думать, что и в примере из Уставной Двинской грамоты 1397 г., который приводится И. И. Срезневским без определения значения, слово *заповедь* означает то же, что и в нашем памятнике: «А самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ, да отпустить, а собе посуль возметь, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосудъ» (Срезн.).

От древнерусского языка унаследовано и слово *заклад*, которое встречается в упомянутом артикуле Статута. В древнерусских памятниках оно обозначает какие-либо материальные ценности, которые клались в залог выполнения различных обязательств (Срезн.). Таково значение этого слова и в переводе Вислицкого Статута, по которо-

²² К. Е. Ливанцев, История государства и права Польши XIII—XIV веков, ЛГУ, 1958, стр. 15.

му вызванный на суд должен был представить заклад (в крупных делах — двух волов) как гарантию того, что явится на суд и подчинится его решению. Но, очевидно, суд не всегда был в состоянии брать заклад, т.к. тут же говорится: «...а будет тотъ пань силенъ, што будетъ судья боялся слать до него закладъ брать, тогда маеть намъ заплатити вину 70 у нашъ скарбъ» АЗР № 2, стр. 6.

В Литовском же Статуте залогом называются не материальные ценности, а:

1. Залог, определяемый судом до разбирательства дела, который должен был платить посеявший на чужой земле или скошивший чужой сенокос, если нарушит «заповедь» и свезет сено или рожь со спорного участка: «...в томъ листе заповедномъ написавшы тую землю, где збоже засеяно.. маеть быти доложено подъ закладомъ на врьдъ и сторону дванадцатма рублями грошей, абы тотъ, хто сеял того збожя с того кгрунту не звозиль» 369.

2. Сумма, которая записывалась на «увязчем листе» при введении во владение стороны, выигравшей дело, и которую должен был платить проигравший, если окажет сопротивление дворянину, выполняющему решение суда («увязанье боронил»): «врьдъ... сказанье и увязанье въ именье такового... дати маеть, положивъши на листе увязчомъ еще такъ великии заклад, яко самое речи скажеть» 140.

Таким образом, слово *заклад* в Статуте изменило свое значение по «функциональной семантике»: ведь сумма, записываемая в «увязчем» или «заповедном» листе, но не выплачиваемая заранее, точно так же служит залогом выполнения каких-то решений суда, как прежде для этой цели служил заклад, составляющий материальную ценность (деньги, скот), но выплачиваемый заранее, до оказания сопротивления решению суда.

Как уже говорилось, литовскому суду были свойственны и нотариальные функции. С ними связаны и определенные термины, часть которых можно считать древнерусскими по происхождению. Таковы *дар, запис, выпис, подпис, долг, должник*. Эти слова, за исключением последнего, ничем не отличаются от древнерусских, если не считать того, что слова *запис, выпис* и *подпис* в нашем памятнике имеют твердую основу и относятся к мужскому роду.

Внимание заслуживает, может быть, лишь слово *должник*. Слово это в «Материалах...» И. И. Срезневского отмечено в двух значениях: в одних — *debitor*, в других *creditor*. Литовские юридические памятники сохранили эти два значения упомянутого слова. Например, в переводе Вислицкого Статута оно употреблено во втором значении: «...а будетъ ли тыи речи у меньшихъ пенязехъ проданы, тогда иметь за ся отдати должнику» АЗР № 2, стр. 7. В Литовском Статуте слово *должник* обозначает и должника, и займодавца. В одном случае: «...о дохо-

жене долгов по змерломъ должнику на именьяхъ спадковыхъ» 187, а в другом: «А пакъ ли бы колько должниковъ зъ розными долги до одного именья збегли ся» 316. Эта неопределенность термина должна была создавать неудобства, так как других слов, обозначающих те же понятия, как это часто бывает в Статуте, в данном случае нет.

Таким образом, та часть юридической лексики Статута 1588 года, которая была унаследована от древнерусского литературного языка, характеризуется следующими чертами:

1. Ряд слов, сложившихся как термины еще в древнерусском языке, сохранили, в общем, свое значение, получив определенную конкретизацию применительно к реальным условиям действия законов Литовского Статута. В некоторых случаях здесь сохранились те древнерусские юридические термины или те их значения, которые уже отсутствуют в русских памятниках XV—XVI веков. Другая же часть слов, наоборот, потеряла юридический характер и употребляется в своем обычном значении...

2. Некоторые термины образовались из древнерусских слов, не имевших юридического значения. Это происходит, в большинстве случаев, путем сужения значения слова, его специализации и связано часто с наличием в языке Статута старобелорусских или заимствованных слов, близких по значению с данным древнерусским словом, что приводит к необходимости ограничить круг значений каждого из них. Или, наоборот, изменение значения, сужение обозначаемого понятия одного из синонимичных слов приводит к расширению значения другого синонима.

3. Во многих же случаях семантическая дифференциация не закончена, и древнерусское слово функционирует наряду со старобелорусским или заимствованным, не отличаясь от него по значению. Этот факт, наряду с многозначностью некоторых юридических терминов, отличает Литовский Статут от современных ему русских юридических памятников.

Vilniaus valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas,
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1961 m. balandžio mėn.

СОКРАЩЕНИЯ

Литовский Статут — Статут Великого княжества Литовского 1588 г., Вильно, изд. Мамоничей.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археогр. Комиссиею, т. 1, 1846.

№ 1 — Договорная грамота литовских князей Евнутия, Кестутя и Любарта Гедиминовичей, Юрия Наримундовича и Юрия Корiatовича с польским королем Казимиром и с мозовецкими князьями Семовитом и его братом Казимиром, сыновьями Тройдена, после 1341 года.

№ 2 — Статут польского короля Казимира III, данный в Вислице в 1347 г.

№ 9 — Жалованная грамота Литовского великого князя Витовта литовским евреям, 1 июля 1388 г.

СГЧА — Собрание государственных и частных актов, касающихся истории Литвы и соединенных с ней владений (1367—1710 г.), изд. Вил. Археографической комиссии, под ред. М. Круповича, ч. 1, Вильно, 1858.

В тексте упоминается Грамота кн. Дмитрия Ольгердовича, написанная 13 декабря 1388 г. в Молодечно.

ЛМ27я4 — Русская историческая библиотека, т. 27, Литовская метрика, отдел 1, ч. 1, т. 1, СПб, 1910. В работе использован материал из книги четвертой записей — записи конца XV века. Цифра, стоящая за указанными в сокращении буквами, обозначает номер документа в книге.

Русская правда — М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской Правды, изд. МГУ, 1953.

Псковская судная грамота — И. Д. Матусевич, Псковская судная грамота, изд. МГУ, 1951.

Московские судебники 1497 г., 1550 г. — Судебники XV—XVI веков, под ред. Б. Д. Грекова, АН СССР, 1952.

SENOSIOS RUSŲ KALBOS JURIDINĖ LEKSIKA 1588 METŲ LIETUVOS STATUTO KALBOJE

M. M. ZAKARJAN

Re z i u m ė

Straipsnyje tyrinėjama Lietuvos 1588 metų Statuto teisinė leksika, paimta iš senosios rusų literatūrinės kalbos. Tokie žodžiai ir terminai Statute, kaip ir kituose Didžiosios Lietuvos kunigaikštystės paminkluose, buvo vartojami nevienodai:

1. Eilė terminų iš senosios rusų lit. kalbos išlaiko savo reikšmę. Išlieka taip pat kai kurie senosios rusų kalbos terminai su tomis reikšmėmis, kurių jau nėra rusų XV—XVI amžių paminkluose. Kita žodžių dalis, atvirkščiai, neteko teisinės prasmės ir vartojama savo paprasta reikšme.

2. Kai kurie terminai yra kilę iš senosios rusų kalbos žodžių, neturėjusių teisinės reikšmės. Šis procesas vyko daugiausia žodžio reikšmės susiaurėjimo ir specializavimo keliu, o kadangi kalboje buvo daug senosios baltarusių kalbos žodžių ir skolinių iš kitų kalbų, tų žodžių reikšmė buvo apribojama arba, atvirkščiai, vieno sinonimo reikšmės susiaurėjimas sąlygodavo kito sinonimo reikšmės išplėtimą.

3. Daugelyje atvejų semantinė žodžių reikšmių diferenciacija nėra galutinai užsibaigusi ir todėl senosios rusų kalbos žodis vartojamas lygiagrečiai su skoliniu arba senosios baltarusių kalbos žodžiu, nesiskirdamas nuo jų savo reikšme.

Lietuvos Statuto kalba savo teisinių terminų įvairumu ir kai kurių teisinių terminų daugiareikšmiškumu skiriasi nuo rusų XV—XVI a. teisės paminklų.
